

ББК 87.6

Ю.В. Трофимова

**Суверенизация личности как предмет
постнеклассической психологии**

Ju.V. Trofimova

**Personal Sovereignization as an Object
of Post-Nonclassical Psychology**

Показано, что понятия «автономность» и «суверенность» не совпадают в своем содержании, а объективируют различную психологическую реальность. Они появляются и используются на разных этапах становления психологии. Автономность отражает потенциал неклассической психологии и понимается как механизм самодетерминации. Понятия «суверенность», «суверенизация» отражают переход к постнеклассической психологии и раскрывают возможность понимать динамику человека как открытой саморазвивающейся системы.

Ключевые слова: автономность, суверенность, суверенизация, саморазвитие, постнеклассическая психология, открытость, персонализация, индивидуализация, совмещенная психологическая система.

It is shown, that the concepts «autonomy» and «sovereignty» do not coincide with each other in their contents, they objectify different psychological reality. These concepts appear and are used at different periods of psychology formation. Autonomy reflects the non-classical psychology potential and it is understood as a mechanism of self-determination. The concepts «sovereignty» and «sovereignization» reflect the transfer to the post-nonclassical psychology, and open the possibility to understand person's dynamics as an open self-developing system.

Key words: autonomy, sovereignty, sovereignization, self-development, post-nonclassical psychology, openness, personalization, individualization, combined psychological system.

Современная психология аккумулирует ряд предметных областей, которые начали разрабатываться в XX в., оставаясь актуальными и сегодня. С одной стороны, это исследования «продуктивности» человека, а именно «подлинного бытия человека» (М. Хайдеггер, Л. Бинсвангер), «зрелой личности» (Г. Олпорт), «психологического здоровья личности» (Р. Мэй, Б.С. Братусь), «полноценно функционирующей личности» (К. Роджерс), «самоактуализирующейся личности» (А. Маслоу) и др. С другой стороны, это изучение «дефицитарности» личности, ее ограниченной продуктивности: концепция «недифференцированной личности» (М. Боуэн), «выученной беспомощности» (М. Селигмен, В.Г. Ромек, Д.А. Циринг), изучение феноменов «симбиотической зависимости» (М. Боуэн, А.Я. Варга, Э.Г. Эйдемилер), «зависимости и созависимости» (В.Д. Москаленко, Дж. Уайнхолд), проблем «бегства» от свободы (Э. Фромм), «ухода» от ответственности (В. Франкл), «ухода» от проблем (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева). Первая группа исследований указывает на присущую человеку способность к продуктивной самореализации, самоосуществлению, вторая группа рассматривает антипод этой способности. Как мы видим, столь разнообразные концепции обнаруживают особую феномено-

логию, которая говорит о «человеке становящемся» (В.П. Зинченко), способном совершить «акт превосходения себя» (М.К. Мамардашвили), что и начинает обозначаться сначала понятием «автономность», а позже понятием «суверенность». В силу этого и возникает необходимость дифференцировать термины «автономность» и «суверенность», хотя в ряде работ они скорее рассматриваются как синонимы.

Понятие «автономность» трактуется как «верность собственному закону» (К.Г. Юнг), как способность «быть самостоятельным, самому заботиться о себе, отвечать за себя» (Э. Фромм), «принимать самостоятельные решения, ответственность, самодисциплина, склонность действовать самостоятельно, а не быть орудием в чужих руках» (А. Маслоу), как переживание «своего Я в качестве субъекта и реализатора собственных способностей» (Э. Фромм), как «различие между тем, что происходит с нами, и тем, что мы делаем сами» (Г. Олпорт), «независимость от “чего-то”» (С.К. Нартова-Бочавер) и др.

Однако при анализе содержания понятия «автономность» обнаруживается и то, что выходит за его определение и связано с особой побудительной силой, присущей человеку, а именно: «порыв» (А. Бергсон), «ноодинамика» (В. Франкл), «мотивация роста»

(А. Маслоу), «желание и усилие быть» (М.К. Мамардашвили), «стремление к жизни» (Э. Фромм), «поток» (М. Чиксентмихайи), «экзистенциальный тонус» (Д.А. Леонтьев) и др. Эта отличная от автономности психологическая реальность постепенно обретает и свое определение «суверенность». Суверенность начинает пониматься как «способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство» (С.К. Нартова-Бочавер), «способность выбирать точки приложения своих возможностей, менять себя и свое жизненное пространство» (В.Е. Ключко), «самополагание благодаря имеющейся силе» (Д.Ю. Дорофеев).

Д.Ю. Дорофеев отмечает, что, в отличие от юриспруденции и политологии, в философский язык суверенность еще не вошла полноценным понятием [1]. Вслед за С.К. Нартовой-Бочавер [2] можем добавить, что проблема суверенности, и тем более проблема суверенизации, еще не стали полноценными понятиями и в психологическом языке, что определяет задачу объективации этих научных терминов, уточнения их онтологического статуса.

Историко-системный взгляд на становление психологии показывает, что понятия «суверенность» и «автономность», несмотря на некоторую схожесть их трактовки, существенно различаются. С.К. Нартова-Бочавер, сравнивая их, скорее ориентирована на поиск общего, но обнаруживает одно существенное отличие. Автор уточняет, что «автономия – это в первую очередь независимость “от чего-то”, а суверенность – управление “чем-то”» [2, с. 161]. Суверенность связывается ею с управлением влияний извне, которое обеспечивает и сохранение открытости личности, и усиление субъектности, а также способствует достижению жизненной продуктивности. Однако глубокому сравнительному анализу данные понятия автор не подвергает (см.: [2]).

В свою очередь Д.Ю. Дорофеев [1], относя проблему суверенности к философско-антропологической проблеме, однозначно указывает на различие понятий «суверенность» и «автономность». Автономность, по мнению автора, подразумевает человека слушающего, внимающего закону, пусть даже и данного самому себе, который выступает в качестве жесткой нормативной заданности, требуя от человека следовать за ним. Суверенность же, по его мнению, основана «на властном самополагании благодаря имеющейся силе» [1, с. 167], проявляющемся в ситуации открытости Иному, которая является «не полагаемой Иным, не определяемой им и не сводящейся к нему, а являющейся личностным выбором самого человека, обретающего в нем всю полноту собственной уникальности» [1, с. 168]. Д.Ю. Дорофеев указывает, что суверенный человек «имеет власть, но не подчинять себе Иного, а размыкать себя в выходе навстречу ему» [1, с. 167–168].

Оба автора наталкиваются на различия, описывая их достаточно метафорично, пытаются анализировать эти понятия как рядорасположенные. Хотя для их сравнительного анализа нужно мыслить «транссективно» (В.Е. Ключко), т.е. опираясь на тенденции, которые определяют динамику самой науки.

Принимая во внимание, что наука предстает перед нами «в виде живой, постоянно развивающейся и идущей вперед системы фактов, законов, предположений, построений и выводов, непрерывно дополняемых, критикуемых, проверяемых, частично отвергаемых, по-новому истолковываемых и организуемых» [3, с. 369–370], можно принять тезис, высказанный отечественными психологами, что наука – это открытая система (А.Г. Асмолов, В.Е. Ключко, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский), обладающая своей логикой развития. В исследованиях проведенных в рамках историко-системного подхода (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Е.В. Галажинский, Е.В. Некрасова и др.), показано, что внутренняя логика развития науки представлена «не как резкая смена парадигм, не как изменение состава знания и его форм, образующих категориальную сетку, а как все более многомерное изучение психологической реальности» [4, с. 19], что и определяет системное усложнение и самого предмета психологии: от простых статических систем (классическая наука) к открытым саморегулирующимся системам (неклассическая наука), а от них – к открытым саморазвивающимся системам (постнеклассическая наука).

Современную ситуацию в психологии можно охарактеризовать как переход в «постнеклассическое эпистемологическое пространство» (В.И. Аршинов, В.Г. Буданов), которое требует открытия и освоения «новых смысловых координат» (К.Х. Делокаров), «нового смысла категорий, обеспечивающих видение и понимание саморазвивающихся систем» [5, с. 20], и объективации новых понятий, возникающих в результате усложнения предмета психологии. В.С. Степин отмечает, что саморазвивающиеся системы следует отличать от простых и сложных саморегулирующихся систем, каждая из них «для своего освоения требует особой категориальной сетки» [5, с. 20].

Классическая психология, предметом которой являются статические, закрытые системы, предпочитает говорить об отражении, приспособлении, адаптации, линейности, статичности, конечности. Статические системы, замкнутые на себе, отделены друг от друга, противопоставлены друг другу и среде, связаны жесткой причинной детерминацией. Поведение человека понимается с точки зрения гомеостаза как условия поддержания динамического равновесия, достигаемого путем приспособления, адаптации к среде. В классике вопрос об автономности и суверенизации не поднимается, речь скорее идет об адаптивности

как способности восстановить равновесие вследствие возникающих воздействий извне или внутренних побуждений.

Неклассическая психология, предметом которой являются саморегулирующиеся системы, поднимает вопросы о развитии, непредопределенности, неадаптивных возможностях человека, вопросы об открытости человека сопровождаются вопросами об его целостности. Принцип детерминации, присущий данному типу систем, связывается, с одной стороны, с возможностью случайных изменений (вероятностная причина), однако, с другой стороны, действует программа саморегуляции как цель, обеспечивающая воспроизводство системы (целевая причинность). Особенности неклассического этапа, «гуманитарный неклассический вектор» развития психологической науки Д.А. Леонтьев связывает с включенностью человека в социально-исторический, культурный контекст, где происходит его активное взаимодействие с миром культуры, из которой он себя и строит, а также с рассмотрением личности как творца, как активного субъекта, формирование которого происходит не столько извне или изнутри заранее заложенными программами, сколько как «самосозидающего, самодетерминируемого» [6]. Концепция самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан, Д.А. Леонтьев, Т.О. Гордеева и др.) позволяет смотреть на взаимодействие человека с миром через призму его неадаптивности, психологического гетеростаза (К. Обуховский, В.Е. Ключко), обеспечивающих возможность выходить за пределы «уже ставшего». Самодетерминацию Д.А. Леонтьев определяет как «способность действовать непредсказуемым для внешнего наблюдателя образом, не поддаваясь внешним давлениям, однако в соответствии с определенной логикой, основанной на собственных долгосрочных интересах и ценностно-смысловых ориентациях» [7, с. 69]. Автор отмечает, что существует система факторов, постоянно действующих на человека, который имеет возможность адаптироваться к этой системе или же трансцендировать эту систему, включив механизмы самодетерминации. Тем самым человек совершает усилие, которое сохраняет его целостность и интегрированность, но при этом находится новый способ самоосуществления. Самодетерминация понимается автором как форма проявления личностного потенциала как интегральной характеристики уровня личностной зрелости, автономности. Понятие «личностная автономия», операционализированное О.Е. Дергачевой, маркирует ориентации личности на собственный закон развития, обеспечивающие интраиндивидуальную устойчивость человека. Личностная автономия, по мнению автора, представляет «собой механизм саморегуляции и самодетерминации личности, реализующийся в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как вну-

тренние стремления, так и внешние условия жизни человека» [8, с. 7].

Понятие «автономность» появляется как ответ на необходимость характеризовать «меру функциональной способности (компетентности) личности преодолевать заданные внутренние и внешние условия, становясь полноценным субъектом собственной жизни в меняющемся мире» [7, с. 79].

Для постнеклассической психологии, предметом которой становятся саморазвивающиеся системы, типичными становятся размышления о природе саморазвития, становления, нелинейности, принципиальной открытости и незавершенности человека, темпоральности, сложности, самоорганизации. По мнению В.С. Степина [5], вероятностная и целевая причинности как основания принципа детерминации, присущего данному типу систем, сохраняются, однако принципиально меняется их смысловое наполнение. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. Вероятностная причинность начинает раскрывать влияние возникающих новообразований системы, новых структур, новых уровней иерархии на ранее сложившиеся, тем самым позволяет в некоторых моментах прогнозировать развитие системы.

В системной антропсихологии (В.Е. Ключко) объяснительным принципом происходящих изменений в системах такого типа рассматривается «системная детерминация». Основную идею системной детерминации автор видит в том, что система порождает новообразования, которые, в свою очередь, начинают определять развитие системы, о чем В.Е. Ключко пишет: «...новообразования, рождающиеся в настоящем, определяют облик будущего и переопределяют облик прошлого» [9, с. 41]. Именно появившиеся новообразования указывают «наиболее вероятные направления развития в пространстве имеющихся у системы возможностей, соотносенных с возможностями среды» [9, с. 35].

Вслед за В.Е. Ключко мы видим в новом смысловом наполнении принципа детерминации переход от объяснения действующих гомеостатических и гетеростатических механизмов в саморегулирующихся системах к пониманию гомеореза, обеспечивающего «устойчивость протяженного во времени процесса изменений» [10, с. 19]. Идея гомеореза соответствует и пониманию саморазвития как особого способа устойчивого существования сложных самоорганизующихся систем (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, И.О. Логинова).

В рамках системной антропсихологии (В.Е. Ключко) человек понимается как открытая, самоорганизующаяся психологическая система. В процессе этого активного взаимодействия человека с миром, с социально-культурной действительностью

происходит порождение системных качеств (смыслов и ценностей), упорядоченное возникновение которых, с одной стороны, определяют мерности многомерного мира человека (В.Е. Ключко), а с другой – выступают основанием для его последующего движения [9; 10]. Последовательность и возникновение этих системных качеств определяют и усложнение мира человека [9; 10]. В.Е. Ключко пишет: «Мир каждого человека уникален и составляет то, что является собственно человеческим в человеке – его самость, его существенную характеристику. Этот мир не рождается вместе с человеком – он им создается...» [10, с. 83]. И если новообразования выступали в неклассической психологии показателями развития, то в постнеклассике становится понятным, что «эти новообразования связаны между собой какой-то закономерностью, что они совокупностью своей указывают на некий порядок следования» [10, с. 43], направляя исследовательскую мысль от развития как такого к анализу «динамики прогрессирующего усложнения развивающегося явления» [10, с. 43], задавая направление поиска источника развития не в противоречии, а в «становлении» [9; 10].

Именно в этом понимании понятие автономности перестает соответствовать столь сложной природе человека, обуславливая возможность появления понятия «суверенность», позволяющего ухватить способность человека к устойчивому самоизменению. А.В. Ключко [4] и О.М. Краснорядцева [11] отличие суверенности от автономности видят в возможности самостоятельного выхода человека в культуру и взаимодействия с ней без посредников, приводящую к усложнению его жизненного пространства и самоорганизации. Суверенность В.Е. Ключко определяет как «способность к самоосуществлению, творческому самоконструированию» [10, с. 72]. Суверенная личность, по его мнению, «отличается от других тем, что несет ответственность за ее порядок и качество. Она способна самостоятельно, без посредников выходить к культуре и вычерпывать из нее основания для сохранения и развития своего многомерного мира, т.е. самой себя» [10, с. 83–84]. Однако суверенность – не врожденное качество, оно приобретает за счет развивающихся отношений со взрослыми, в рамках совмещенной психологической системы «ребенок – взрослый» (Л.С. Выготский). Таким образом, говоря о процессе обретения суверенности, следует иметь в виду суверенизацию как процесс, совпадающий с возрастным развитием, но не подменяющий содержания возрастного развития, а, наоборот, делающий

доступным наблюдению, (само)анализу процесс становления человека в его способности и возможности самостоятельно и устойчиво развиваться в неустойчивых обстоятельствах жизни.

Суверенизация внешне проявляется как растущая самостоятельность и независимость от взрослого (родителя, учителя, педагога), Другого [4; 11; 12], а содержательно может быть рассмотрена как процесс постепенного освобождения от развивающих отношений со взрослым сначала через процессы персонализации, а позже и индивидуализации [11], где и происходит укрепление, отстаивание и освоение своего права на самоосуществление.

Растущая суверенизация обеспечивает, с одной стороны, усвоение форм культуры, мерностей социального бытия, а с другой – овладение собой как субъектом жизни и управление своей жизнью и своим развитием. Операционализация понятия суверенизации позволяет понять становление человека как процесс постепенного обретения способности к самостоятельному взаимодействию с культурой (предметным и социальным миром), посредством которого обеспечивается и системное усложнение его жизненного мира, и «устойчивость протяженного во времени процесса изменений» [10, с. 19].

Суверенность в этом ключе может быть понята как мера субъектности, характерная для данного человека, для определенного периода его жизни, отражающая выраженность способности к продуктивному самоосуществлению. Суверенность как результативная характеристика суверенизации опирается на опыт самостоятельного взаимодействия с социальным и предметным миром, представляет и актуальные возможности человека, полученные в процессе развивающихся отношений с Другим, и потенциальные возможности человека (потенциал саморазвития). Также суверенность не может быть понята вне ее мотивационного аспекта как готовности к воплощению имеющегося потенциала возможностей, готовности к новому опыту, расширению своих возможностей и жизненного мира.

Таким образом, понятия «автономность» и «суверенность» появляются и используются на разных этапах становления психологии, объективируя различную психологическую реальность. Автономность отражает потенциал неклассической психологии и понимается как механизм самодетерминации. Термины «суверенность», «суверенизация» связаны с переходом к постнеклассической психологии, раскрывают возможность понимать динамику человека как открытой саморазвивающейся системы.

Библиографический список

1. Дорофеев Д.Ю. Проблемы современной философской антропологии: спонтанность и суверенность человека // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2009. – Т. 2, №3.
2. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб., 2008.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. – М., 1983. – Т. 1.
4. Клочко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы : дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2001.
5. Степин В.С. О философских основаниях синергетики // Синергетика. Будущее мира и России. – М., 2008.
6. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. – 2005. – №1.
7. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Бородкина Н.И. Смысл, адаптация и самодерминация у подростков // Вопросы психологии. – 2007. – №2.
8. Дергачева О.Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
9. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности: введение в транспективный анализ. – Томск, 2005.
10. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. – Томск, 2009.
11. Красноядцева О.М. Психологическое содержание экспертизы образовательных инноваций // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – №306.
12. Трофимова Ю.В. К постановке вопроса о посредничестве в учебно-профессиональной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия : Психология. – 2009. – Вып. 4, №5(138).